

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Retain cover for binding,

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

CLIX

О ДРЕВНЕРУССКИХЪ
ЦЕРКОВНЫХЪ ПАПЪВАХЪ

И О ЗНАЧЕНИИ ИХЪ

ДЛЯ БУДУЩНОСТИ РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА

Сообщеніе, читанное 21-го апрѣля 1905 года.

С. С. ВОЛКОВОЙ.

1906.

DK 3

P 3

v. 159

1906

Печатано по распоряженію Комитета состоящаго подъ Высочайшимъ
Государя Императора покровительствомъ Императорскаго Общества
Любителей Древней Письменности.

Секретарь *В. Майковъ.*

Типографія И. Н. Скороходова (Наеждинская, 43).

Присутствующимъ извѣстно огромное значеніе нашихъ древнихъ крюковыхъ рукописей, какъ съ точки зрѣнія древней письменности, такъ и для исторіи музыкальнаго искусства и дальнѣйшаго его органическаго развитія, такъ, наконецъ, и съ точки зрѣнія богослужебнаго пѣвческаго благолѣпія.

Между тѣмъ, большинство изъ этихъ рукописей не изслѣдованы и не изданы, а многія гибнутъ безвозвратно. Труды въ этой области до сихъ поръ остаются разрозненными. Однако дѣло это, по своему значенію, требовало бы трудовъ объединенныхъ и послѣдовательныхъ. Среди духовенства и среди мірянъ есть и еще найдутся люди, готовые работать въ этой мало извѣстной области, но имъ недостаетъ объединяющаго руководства и поддержки.

Такую поддержку и возможность такого объединенія предлагаетъ, съ обычнымъ просвѣщеннымъ радушіемъ, Общество любителей древней письменности; сегодня дружно и радостно можно приступить къ составленію программы дѣятельности новаго кружка любителей древнихъ напѣвовъ.

Эта дѣятельность естественно распадается на три отрасли: археологическую, церковно-пѣвческую и научно-художественную.

*

I.

Первая задача состояла бы въ изслѣдованіи тѣхъ рукописей, которыя пока еще не могутъ имѣть непосредственнаго значенія для современнаго церковнаго пѣнія и для музыкальной науки.

Таковыми являются всѣ древнія рукописи съ пѣвческими знаками, смыслъ которыхъ еще не возстановленъ. Къ нимъ приходится причислить всѣ наши древнѣйшія крюковыя рукописи, отъ XII-го по XIV-ый вѣкъ включительно: кондакари съ особенными нотными знаменами, выпедшими изъ употребленія уже въ XIV-мъ вѣкѣ и нынѣ совершенно нечитаемыми,—а также и всѣ прочія рукописи XII-го, XIII-го, XIV-го и даже XV-го вѣка, со знаменными крюками, многіе изъ которыхъ стали для насъ непонятными гіероглифами.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію ихъ, желательно бы имѣть въ рукахъ подлинныя памятники, или точныя снимки съ памятниковъ, всѣхъ типовъ древне-русскихъ нотаций до XIV вѣка включительно, а также и современныхъ имъ восточныхъ и западныхъ нотныхъ записей.

1) Не слѣдуетъ ли позаботиться о приобрѣтеніи разныхъ русскихъ и иностранныхъ изданій, воспроизводящихъ такіе памятники; къ составленію указателя съ подробнымъ описаніемъ пѣвчихъ рукописей по XIV-ый вѣкъ включительно, и къ воспроизведенію, сначала просто путемъ фотографическихъ снимковъ, образцовъ изъ не изданныхъ древнихъ

пѣвческихъ рукописей, находящихся въ книгохранилищахъ въ Россіи и за границей?

II) Затѣмъ, ознакомившись по возможности основательнѣе со всѣми древне-русскими пѣвческими памятниками, избрать изъ нихъ для напечатанія наиболѣе цѣнные какъ въ палеографическомъ, такъ и въ богослужебномъ отношеніи. Пока таковыми представляются, на примѣръ, нотные стихирари XII-го вѣка, съ точнымъ обозначеніемъ года,—а именно:

а) Стихирарь 1157-го года, хранящійся въ Синодальной (Патріаршей) библіотекѣ¹⁾.

б) Изъ Кондакарей, на примѣръ, такъ называемый Нижегородскій XII-го вѣка, въ Импер. Публичн. библіотекѣ, и Кондакаръ 1207 г., въ Моск. Синод. библіотекѣ²⁾.

в) Ирмологъ 1249 года (принадлежавшій купцу Самсонову³⁾).

III) Для возможности же нѣкотораго знакомства съ не изданными памятниками казалось бы желательнымъ издать сборникъ или хрестоматію образцовъ всѣхъ разнородныхъ видовъ нотаций, по XV вѣкѣ⁴⁾.

Остальныя задачи въ этой области опредѣляются лишь въ зависимости отъ того, что выяснятъ вышеуказанныя работы.

1) См. № 329, въ сообщеніи Н. В. Волкова „Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ“ (Пам. Древн. Письм. № СХХІІІ).

2) См. въ сообщеніи Н. В. Волкова №№ 354 и 356.

3) См. въ сообщеніи Н. В. Волкова № 347.

4) См. приложение.

Періодъ отъ XI-го по XIV-й вѣкъ особенно дорогъ намъ тѣмъ, что рукописи тѣхъ вѣковъ сохранили истиннорѣчный текстъ церковныхъ пѣснопѣній, предшествовавшей такъ называемому хомовому тексту, или раздѣльнорѣчію, имѣвшему столь крупныя историческія послѣдствія.

Какъ только удастся точно прочесть крюки того періода и тѣмъ самымъ раскрыть напѣвы, сопровождавшіе истиннорѣчные тексты, у насъ будетъ научное основаніе для провѣрки степени древности и подлинности тѣхъ нашихъ напѣвовъ, которые извѣстны у насъ теперь подъ именемъ древнихъ, но происхожденіе которыхъ мы не можемъ прослѣдить ранѣ XVII-го, XVI-го вѣка.

Тогда, быть можетъ, наука помогла-бы старообрядцамъ открыть, какіе изъ напѣвовъ, древность которыхъ для нихъ сомнительна, имѣютъ дѣйствительно древнее происхожденіе.

Невольно возникаетъ мечта о томъ, что со временемъ могли бы раздаться въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ напѣвы, сложенные во дни построенія его, раздававшіеся въ немъ при Ярославѣ Мудромъ и дошедшіе до насъ въ записяхъ XII-го вѣка.

Если напѣвы, сохраненные въ пѣвческихъ знаменахъ Кіевского періода, окажутся художественно-прекрасными, то они могли бы способствовать къ обогащенію всего нашего церковнаго пѣнія.

II.

Вторая задача касается всѣхъ рукописей и изданій, которыя могутъ немедленно найти примѣненіе въ богослуженіи, а также послужить для научно-художественныхъ изслѣдованій.

Цѣль изданія такихъ рукописей намѣчена проектомъ, приписываемымъ Бортнянскому. Этотъ проектъ впервые напечатанъ Обществомъ Любителей Древней письменности, въ 1878-мъ году, въ первый же годъ существованія Общества, что показываетъ, какое значеніе основатели его придавали этой отрасли древней письменности, древнимъ «россійскимъ» крюкамъ.

До сихъ поръ единственное цѣльное крюковое изданіе во всей Россіи—это Кругъ знаменнаго пѣнія, напечатанный въ 1884—85 г. Обществомъ Любителей Древней письменности (№ LXXXIII, въ шести частяхъ), при содѣйствіи А. И. Морозова.

Итакъ, изъ болѣе древнихъ крюковыхъ рукописей, т. е. изъ періода древняго истиннорѣчія, и послѣдующаго періода раздѣльнорѣчія, ни одна не напечатана подлинными крюками; нѣтъ и крюковыхъ изданій позже исправленныхъ рукописей, конца XVII-го вѣка.

Правда, есть у насъ синодальныя изданія древнихъ церковныхъ напѣвовъ, въ переводѣ съ крюкового знамени на кievскую нотную систему, и эти нотныя книги съ конца XVIII вѣка замѣняютъ намъ въ храмахъ крюковыя рукописи, по которымъ про-

должаютъ пѣть старообрядцы. Но изданія эти не просмотрѣны со времени перваго ихъ напечатанія въ 1772 г.; они не полны по содержанію, такъ какъ, обнимая лишь Обиходъ, Октоихъ, Ирмологій и Праздники, а съ конца прошлаго (XIX) вѣка и Троида—постную и цвѣтную, не включаютъ въ себѣ ни минен общей, ни трезвоновъ, ни 12 мѣсячныхъ миней, ни круговъ кievскаго, греческаго и болгарскаго богослужебнаго пѣнія. Главный же недостатокъ этихъ изданій тотъ, что изложеніе напѣвовъ въ нихъ не точное, т. е. переводъ съ крюкового знамени на отмѣнно-неуклюжую кievскую нотацию (въ такъ называемомъ це-фаутномъ ключѣ) поневолѣ получился плохой, грубый, искаженный. Мелодія въ этихъ изданіяхъ утрачиваетъ многіе изъ своихъ поэтическихъ отбѣнковъ.

Полныхъ изданій нашихъ древнихъ напѣвовъ въ переводѣ съ крюковыхъ подлинниковъ на обыкновенное нотное письмо (пятилинейную итальянскую систему) не существуетъ совсѣмъ. Однако по этой нотации преподаютъ въ начальныхъ школахъ, въ семинаріяхъ, въ консерваторіяхъ и въ монастыряхъ, она единственно общепринятая и всѣмъ привычная.

Четырехголосныя изданія Придворной Пѣвческой Капеллы, извѣстныя подъ именемъ изданій придворнаго распѣва, хотя и содержатъ переводъ на обще-итальянскую нотацию многихъ мелодій знаменныхъ и другихъ распѣвовъ, но не передаютъ намъ древнихъ напѣвовъ въ подлинномъ видѣ. Эти изданія еще менѣе точны, нежели старыя «це-фаутныя»,

синодальныя. Научнаго значенія они имѣть не могутъ.

Отсюда вытекаетъ слѣдующее:

I. Желательно приступить къ печатанію знаменныхъ рукописей въ двухъ видахъ, въ двухъ параллельныхъ изложеніяхъ: въ подлинномъ крюковомъ и въ точномъ переводѣ на общеупотребительную пятилинейную нотацию. Тогда станетъ доступной сокровищница, по сихъ поръ закрытая для всѣхъ.

Можно бы начать съ печатанія тѣхъ пѣснопѣній, которыя не вошли въ составъ синодальныхъ изданій, а именно: Общей Минеи и хотя бы главнѣйшихъ трезвоновъ. Изданіе Минеи необходимо для регулированія повседневной службы.

Рукописей трезвоновъ, или малыхъ праздниковъ, множество повсюду. Въ одной библіотекѣ Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія ихъ болѣе ста, считая съ нотными, однѣхъ же крюковыхъ 39. Въ нихъ древнихъ истиннорѣчныхъ нѣтъ, но есть раздѣльнорѣчныя отъ XVI-го вѣка и позднѣйшія, всего 14; затѣмъ съ Іосифовскими текстами 7 и съ новоисправленными 18.

Миней общихъ въ рукописяхъ встрѣчается мало. Въ той же библіотекѣ, кромѣ трехъ нотныхъ экземпляровъ, всего пять экземпляровъ крюковыхъ. Изъ послѣднихъ особенно цѣнная рукопись за № 98, 1677-го года, быть можетъ, автографическій экземпляръ старца Александра Мезенца. Поэтому изъ общихъ Минеи всего желательнѣе, казалось бы, напечатать именно эту.

II. Желательно сличеніе перечисленныхъ рукописей между собою и съ рукописями древнѣйшими, что представляетъ особый интересъ въ виду событій XVII-го вѣка.

III. Желательно издать многоголосное пѣніе, начиная съ крюкового двухголоснаго, напримѣръ, съ Казанскаго знамени, возникшаго въ концѣ XVI-го вѣка.

Такимъ образомъ былъ бы сдѣланъ крупный шагъ къ выполненію предначертаній вышеупомянутаго проекта. Въ предѣлахъ двухъ-трехъ страницъ трудно даже намѣтить всю программу дѣятельности въ этой отрасли.

Съ XV-го вѣка сохранилось такое множество крюковыхъ рукописей, а съ XVII-го вѣка уже и линейно-нотныхъ, что трудовъ по собиранію и каталогизаціи ихъ хватить на много лѣтъ.

Въ настоящее время самая полная библіотека рукописей находится при Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія въ Москвѣ. Она собрана стараніями бывшаго директора училища Ст. Вас. Смоленскаго. Содержитъ она въ себѣ свыше 1100 №№ рукописей, крюковыхъ и нотныхъ, отъ древне-раздѣльнорѣчныхъ и до концертныхъ XVIII-го столѣтія.

Но сколько рукописей гибнетъ безъ всякаго призора, безъ защиты отъ невѣжественнаго истребленія, отъ непогоды, отъ крысъ и мышей! Въ монастырскихъ башняхъ, въ подволокахъ колоколенъ, въ подвалахъ церквей, въ архивахъ консисторій, во многихъ ризницахъ, особенно въ губерніяхъ сѣвернаго края, хранятся богатые склады драгоценныхъ рукописей,

никому на мѣстѣ ненужныхъ. Другія рукописи хотя и сохранны, но недоступны въ дворцовыхъ архивахъ и библіотекахъ и въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Одинъ изъ изслѣдователей древняго византійскаго и римскаго церковнаго пѣнія, Гастуэ¹⁾, говоритъ: «Въ противоположность латинянамъ, хранившимъ со всевозможнымъ тщаніемъ первоначальныя мелодіи своихъ литургій, византійскіе музыканты.. нисколько не радѣли о сохраненіи своихъ древнихъ напѣвовъ... Во многихъ библіотекахъ на Востокѣ имѣются рукописи, гдѣ древніе пѣвческіе знаки искусно стерты и замѣнены новыми». Теперь изобрѣтенъ способъ возстановлять такіе палимпсесты, но какъ возстановить съѣденное мышами или истлѣвшее отъ сырости?

На Западѣ все искусство развилось на основаніи христіанскихъ напѣвовъ, оберегавшихся латинской церковью съ особой строгостью, но съ неизмѣнной готовностью идти на встрѣчу всѣмъ католикамъ, желающимъ изучить и разработать ихъ; вотъ почему уже къ XVI-му вѣку выросли изъ этихъ напѣвовъ цѣлыя памятники церковно-пѣвческаго искусства въ трудахъ Палестрины и Орландо Лассо.

У насъ, богатыхъ наслѣдіемъ христіанскаго Востока у насъ, поющихъ на родномъ славянскомъ языкѣ, а не какъ въ церкви латинской, на языкѣ мертвомъ, обязательно предписанномъ,—у насъ сло-

¹⁾ Amédée Gastoué. *La Tradition ancienne dans le chant Byzantin.* Paris, 1890, p. 3.

жилося духовныхъ старинныхъ напѣвовъ несравненно больше, чѣмъ у любого народа на западѣ. Художественное достояніе наше велико и обильно, но порядка въ немъ нѣтъ. Вотъ почему наши напѣвы, не собранные, не изданные, не истолкованные, до сихъ поръ оставались у насъ почти безъ воздѣйствія на музыкальное наше искусство.

Однако можетъ оказаться, что наши древніе напѣвы не уступаютъ напѣвамъ западнымъ не только по количеству и разнообразію, но и по качеству.

Нельзя предвидѣть великолѣпія того расцвѣта искусства, которому они могутъ послужить живымъ корнемъ.

III.

Третью задачу составили бы труды по изученію древнихъ и народныхъ напѣвовъ церковныхъ и мірскихъ съ точки зрѣнія научно-художественной. Тѣсная связь между нашими мірскими народными напѣвами и церковными указана въ сообщеніи Ст. Вас. Смоленскаго, читанномъ 28-го ноября 1903 года.

О высокомъ художественномъ совершенствѣ древнихъ церковныхъ нашихъ пѣснопѣній въ отношеніи формы упомянулъ Ст. В. Смоленскій въ своемъ рефератѣ «О древнерусскихъ пѣвческихъ нотаціяхъ», читанномъ 26-го января 1901 года.

Будущность русскаго музыкальнаго творчества, здоровое и плодотворное развитіе его находятся въ зависимости отъ близкаго изученія древнихъ и народныхъ напѣвовъ: отъ выясненія присущихъ имъ

оборотовъ, мелодическихъ и ритмическихъ, и условій, согласно которымъ они складываются въ опредѣленныя формы. Если кто изъ мало освѣдомленныхъ въ этой области спросить, не напрасна-ли надежда, найти свѣжіе источники вдохновенія тамъ, гдѣ все давно поросло сѣдымъ мохомъ старины, вникнувъ въ достояніе прошлаго, доискаться новыхъ проявленій красоты,—можно въ отвѣтъ напомнить о другомъ искусствѣ, наиболѣе имѣющемъ сходство съ музыкальными формами,—объ искусствѣ зодческомъ.

Древніе египетскіе храмы, воздвигнутые болѣе 3000 лѣтъ тому назадъ, не восхищаютъ-ли доннынъ зрителя, какъ восхищали нѣкогда древнихъ эллиновъ, этихъ требовательныхъ эстетиковъ? Не являются-ли они доннынъ образцомъ высокаго художества, принадлежатъ совершеннѣйшимъ формамъ зодческаго искусства?

На это могутъ возразить, что иное дѣло искусство музыкальное, что въ этой области успѣхи стали замѣтны и быстры всего за нѣсколько послѣднихъ столѣтій, а у болѣе дальняго прошлаго намъ научиться нечему. Такъ, по крайней мѣрѣ, читаемъ мы почти во всѣхъ учебникахъ и во многихъ исторіяхъ музыки, такъ (за рѣдкими исключеніями) учатъ и въ нашихъ консерваторіяхъ. Но справедливо-ли это? Дадимъ себѣ трудъ всмотрѣться въ построеніе менѣе наглядное, но не менѣе симметричное, чѣмъ храмъ въ Карнакѣ, въ построеніе древнихъ молитвенныхъ пѣснопѣній, этихъ памятниковъ слова и звука. Возьмемъ для примѣра пасхальные стихиры «Да воскреснетъ Богъ», знаменный распѣвъ которыхъ раздается въ эту не-

дѣлю по всей нашей родинѣ. Мы увидимъ, что чередованіе въ нихъ пѣвчихъ строкъ представляетъ продуманную и выработанную форму, столь же ясную и совершенную, какъ форма сонета или форма музыкальнаго рондо новѣйшаго склада ¹⁾).

Мы еще не имѣемъ возможности съ достовѣрностью опредѣлить, когда именно сложены эти стихиры, но во всякомъ случаѣ, то было ранѣе полнаго расцвѣта западнаго музыкальнаго искусства, а можетъ быть и на много вѣковъ ранѣе. Днынѣ, въ настоящемъ видѣ, онѣ такъ же прекрасны по художественному построенію напѣва, какъ и по смѣлости своихъ поэтическихъ образовъ, и по внутреннему своему содержанію.

Одно то, что напѣвъ уцѣлѣлъ и постоянно исполняется въ теченіе многихъ вѣковъ не указываетъ ли на высокія его достоинства?

Можетъ быть, внимательное разсмотрѣніе убѣдило бы насъ въ томъ, что какъ въ построеніи древняго Карнакскаго храма, такъ и въ сложеніи словъ и распѣва нашихъ древнихъ, повидимому совершенно простыхъ пѣснопѣній, одинаково проявились математически-точные, незыблемые законы истинной красоты.

¹⁾ Чередованіе трехъ темъ въ наиболѣе выработанныхъ рондо Бетховена можно представить формулой:

$ABA + C + ABA$ (см. сонаты №№ 3, 8, 15).

Чередованіе трехъ темъ, или пѣвчихъ мелодій, въ стихирахъ на Пасху можно представить формулой:

$ABC + B + CBA$ (см. изложеніе пѣвчихъ строкъ въ статьѣ „О собраніи рукописей при Моск. Синод. училищѣ“, С. В. „Смоленскаго. отдѣльн. оттискъ Рус. Муз. Газеты, 1899 г., л. 20).

Если мы обратимся къ составнымъ частямъ построения стихирь, къ ходу мелодіи и къ ритмикѣ, то мы найдемъ столько новаго по сравненію съ общепринятыми, современными европейскими оборотами музыкальной рѣчи, что должны будемъ убѣдиться, какъ тутъ много не анализированнаго, не приведеннаго въ извѣстность, но своеобразно-симметричнаго, могучаго и совершенно разработаннаго.

Придется удивляться, какъ мы могли, подчиняясь иноземнымъ вліяніямъ, самовольно такъ стѣснить свою художественную свободу западными формами, такъ ограничить себя, такъ не замѣтить и не понять всей опасности могущаго послѣдовать своего оскудѣнія.

Если остановить вниманіе на отношеніи напѣвовъ къ словамъ, на мелодичной декламации нашихъ пѣснопѣній, то мы должны будемъ признать, что передъ нами готовый образецъ того выразительнаго музыкальнаго сопровожденія словъ, повышающаго значеніе ихъ и, однако, подвластнаго имъ, объ отсутствіи котораго скорбѣли и писали реформаторы западной оперной музыки, Глюкъ въ XVIII-мъ вѣкѣ и еще недавно Вагнеръ. Глюкъ и Вагнеръ старались ввести въ свои театральныя произведенія естественную мелодическую декламацию, какъ гениальное новшество, едва ли подозревая, что уже много вѣковъ образцы его ежедневно раздаются на клиросахъ нашихъ сельскихъ церквей.

Такое заявленіе можетъ показаться парадоксальнымъ, но это сравненіе касается однѣхъ мелодій, и

для того, чтобы довершить его, приходится представить себя лучшіе оперные речитативы въ одно-голосномъ исполненіи деревенскаго дьячка.

Въ нашемъ знаменномъ напѣвѣ лирическое изложеніе и повѣствовательное чередуются согласно смыслу словъ; при этомъ добавочныя мелодическія украшенія, такъ называемыя оиты, не уступаютъ, по музыкальному интересу, выразительности и смѣлости самымъ сложнымъ украшениямъ прекрасныхъ речитативовъ въ ораторіяхъ Баха. Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь о полной мелодіи распѣва, въ подлинномъ крюковомъ изложеніи.

Любопытно бы спросить мнѣніе тѣхъ, кто дастъ себя трудъ пропѣть сперва эти стихиры, затѣмъ речитативы изъ образцоваго опернаго произведенія, напримеръ, изъ Орфея Глюка (безъ аккомпанимента): гдѣ окажется болѣе разнообразія и гибкости въ рисункѣ мелодій, гдѣ больше свободы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественности и смѣлости выраженія?

Недостаетъ древнимъ напѣвамъ только красокъ, какія придастъ мелодіи полифонное гармоническое сопровожденіе, сочетаніе ея съ другими голосами.

Симметричность пасхальныхъ стихиръ имѣетъ ту особенность, что она основана на пятичастной системѣ, которая особенно усматривается въ ритмическомъ ихъ сложеніи ¹⁾.

¹⁾ Подробности объ этомъ въ статьѣ Н. И. Компанейскаго „Стихиры Пасхи“ („Русская Муз. Газета“, 1902 г. №№ 20—21). Здѣсь 5 стихиръ, 5 запѣвовъ, 5 среднихъ строкъ съ нѣсколькими парами дополни-

Изъ нечетныхъ ритмовъ на Западѣ употребляется только трехдольный, у насъ же въ церковныхъ и народныхъ мелодіяхъ часто встрѣчаются дѣленія на 5 и на 7. Эти нечетные, составные ритмы гибче, эластичнѣе, разнообразнѣе и изящнѣе аккуратно-размѣреннаго квадратнаго нѣмецкаго дѣленія на равные такты, 2-хъ-, 3-хъ-, или 4-хъ-дольные.

Въ послѣднихъ твореніяхъ Бетховена замѣтно стремленіе перейти къ большей ритмической свободѣ и къ новымъ звукорядамъ, напоминающимъ древне-эллинскіе, точно ему подѣ конецъ стало не хватать словъ въ той западной музыкальной рѣчи, высшимъ поэтомъ которой онъ является.

Глинка, употребляя въ «Жизни за Царя», въ «Русланъ и Людмилъ» и во многихъ менѣе крупныхъ своихъ произведеніяхъ своеобразные глубоко-народные обороты русской музыкальной рѣчи, дѣйствовалъ по гениальному чутью. Но когда онъ сталъ мечтать о проложеніи хотя тропинки къ нашей церковной музыкѣ, онъ сразу созналъ необходимость теоретическаго обоснованія для новыхъ своихъ трудовъ. Опираясь на музыкально-научную теорію древнерусскихъ напѣвовъ онъ не могъ; она не выяснена понынѣ, а полвѣка тому назадъ еще не приступали къ начальному изученію ея. Вотъ почему Глинка обратился, со свойственнымъ ему усердіемъ, къ единственной наукѣ, которая въ то время была извѣстна

тельныхъ строкъ и 5 припѣвовъ. Кромѣ того, типичныя мелодіи этихъ стихиръ группируются изъ 5 тоновъ, или же умноженіемъ на 5.

въ подобной области, и предался изученію произведеній Палестрины и Лассо, въ надеждѣ примѣнить къ русскому церковному пѣнію теорію западнаго церковно-пѣвческаго искусства.

Сказать рѣшительнаго слова о примѣнимости западнаго «строгаго стиля» къ славянскимъ напѣвамъ Глинка не успѣлъ. Но все его творчество должно привести насъ къ убѣжденію, что намъ слѣдуетъ изучать западную науку и приемы не для того, чтобы слѣпо перенимать ихъ, восхищаясь ими безъ разбора, а на оборотъ для того, чтобы вполне овладѣвъ технической ихъ стороною, пользоваться ими какъ орудіемъ, свободно примѣняя изъ нихъ годное для сочетанія съ роднымъ строемъ и вдохновеніемъ.

Опредѣлить же, что именно изъ чужого годится намъ и почему, можно только при любви и пониманіи своего роднаго. Безъ этой любви не удалось бы Глинкѣ облечь наши сѣрые простонародные звуки въ сродное имъ богатое убранство, хоровое и оркестровое, и не оставилъ бы онъ намъ высокохудожественныя страницы, совершенно согласныя со складомъ и внутреннимъ смысломъ народныхъ нашихъ пѣсней.

Можетъ быть, именно эти страницы способствовали тому, что кн. В. О. Одоевскій увѣровалъ въ музыкально-научное и въ художественное значеніе древнерусскихъ пѣвческихъ вдохновеній и вскорѣ послѣ смерти Глинки заговорилъ о желательности доискаться правилъ нашей древней музыкальной техники, «какъ церковной, такъ и мірской».

За послѣднія 40 лѣтъ труды Разумовскаго, Арнольда, Вознесенскаго, Компанейскаго, Металлова, Смоленскаго и другихъ, въ области теоріи древнерусскихъ церковныхъ напѣвовъ, стали проливать свѣтъ на многія стороны дѣла и открывать доступъ къ цѣлому міру красоты. Труды Мельгунова, Сокальскаго и многихъ другихъ, фонографическія записи Линевой сдѣлали то же для мірскихъ народныхъ пѣсень, собраніе, изданіе и изслѣдованіе которыхъ продолжается съ новымъ и возрастающимъ усердіемъ.

Наконецъ, многіе изъ лучшихъ русскихъ художниковъ-музыкантовъ стали писать многоголосныя сопровожденія къ древнимъ одnogолоснымъ церковнымъ напѣвамъ; эти опыты все чаще раздаются въ духовныхъ концертахъ и на клиросѣ.

Но дѣло изученія крюковыхъ напѣвовъ и рукописей еще не имѣетъ у насъ той научной постановки, которая за послѣднее время придана ему на Западѣ. Однако изслѣдованіе родниковъ западнаго искусства имѣетъ для протестантовъ лишь историческое, а для католиковъ и богослужебное значеніе, тогда какъ у насъ изученіе древнерусскихъ, не использованныхъ еще напѣвовъ имѣетъ, сверхъ того, живительную силу для будущности русскаго искусства; для русскихъ музыкальныхъ сочинителей оно становится насущной потребностью.

Не приспѣло-ли время приведеніемъ матеріала въ извѣстность и въ порядокъ, классификаціей его, переводомъ напѣвовъ съ крюковаго на обыкновенное нотное письмо, изданіемъ хотя бы наиболѣе

выдающихся образцовъ,—прийти на помощь и на встрѣчу художникамъ, дать имъ возможность пользоваться достояніемъ прошлаго сознательно и послѣдовательно?

Въ виду этого, позволяемъ себѣ выразить слѣдующія пожеланія:

I. Желательно было бы продолжать собираніе крюковыхъ рукописей и подробную каталогизацію ихъ, при чемъ не слѣдуетъ пренебрегать записью церковныхъ напѣвовъ, сохранныхъ устнымъ преданіемъ, а также духовныхъ стиховъ и древнихъ народныхъ пѣсенъ. Лучшій способъ записи—фонографическій.

II. Полезно было бы составить указатели: а) всѣхъ русскихъ изданій (книгъ, статей, сборниковъ и переложеній) и рукописныхъ трактатовъ по XVII вѣку включительно, касающихся древнерусскихъ церковныхъ пѣснопѣній; б) изслѣдованій и сборниковъ народныхъ русскихъ пѣсенъ; в) лучшихъ изслѣдованій крюковыхъ (невматическихъ) иностранныхъ древнихъ рукописей, латинскихъ, византійскихъ и проч. Такіе указатели могли бы служить пособіемъ для основанія бібліотеки, съ цѣлью облегчить дальнѣйшіе научные и художественные труды въ этой области.

III. Хорошо было бы открыть курсъ исторіи церковнаго пѣнія, съ музыкальными иллюстраціями въ исполненіи хора, или хотя бы фисгармоніи, при истолкованіи особенностей уже изслѣдованныхъ образцовъ.

Исторія русскихъ крюковыхъ напѣвовъ еще не

выяснена, никто еще не прослѣдилъ ихъ постепеннаго развитія, и не многое извѣстно о творцахъ ихъ.

Кто были первые составители любимыхъ нами, ставшихъ намъ родными, напѣвовъ, въ какой келіи, пустынѣ, или храмѣ раздались впервые звуки ирмоса «Помощникъ и Покровитель», или греческаго распѣва «Ангель вопіаше», взятые затѣмъ въ основу всѣмъ извѣстныхъ переложеній Бортнянскаго,—этого теперь намъ никто не скажетъ.

Намъ вѣдомо одно: уже много вѣковъ эти напѣвы сопровождаютъ слова тѣхъ молитвъ, которыя безъ малаго тысяча лѣтъ служатъ для русскихъ христіанъ пособіемъ покаяннаго обновленія и свѣтлой радости. Среди всѣхъ внѣшнихъ перемѣнъ быта и народнаго строя, среди нововведеній культуры, среди войнъ, разныхъ мятежей и новыхъ тревожныхъ вопросовъ возникающихъ съ каждымъ столѣтіемъ, съ каждымъ поколѣніемъ,—остаются неизмѣнными запросы внутренней жизни вѣрующей души. Въ настоящіе дни отъ Соловецкаго монастыря до горныхъ обителей Закавказья, отъ столичныхъ соборовъ и дворцовъ до походныхъ полковыхъ и лазаретныхъ церквей на Дальнемъ Востоцѣ,—повсюду раздаются одни и тѣ же молитвословія въ разнообразной и прекрасной оправѣ знакомыхъ намъ древнихъ напѣвовъ.

Россійская церковь, вмѣстѣ съ таинствами, вмѣстѣ съ обрядами святоотеческихъ и соборныхъ постановленій, вмѣстѣ со словами богослужебнаго круга, восприняла отъ первыхъ девяти вѣковъ христіанства и цѣликомъ сохранила особый основной складъ бого-

служебнаго пѣнія, совершенно отличный отъ склада свѣтской музыки. Гласовые и прочіе церковные напѣвы у каждаго народа носятъ отпечатокъ его національныхъ особенностей; но, отличаясь по своему складу отъ пѣсней мірскихъ, они требуютъ изученія отдѣльнаго, связаннаго съ изученіемъ крюковъ.

Русскіе «роspѣвы» и «гласы» достойны внимательнаго изученія. Только при совершенномъ пониманіи ихъ внутренняго строя можно будетъ дать древнерусскимъ напѣвамъ вполнѣ согласную съ ними гармонизацію.

Къ этому же убѣжденію пришелъ и Чайковскій, много десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ былъ написанъ проектъ объ отпечатаніи древнероссійскихъ крюковъ. «Какъ должно гармонизировать древніе напѣвы, надлежащимъ образомъ не рѣшилъ еще никто», писалъ онъ, — «Новый путь заключается въ возвращеніи къ сѣдой старинѣ».

Только при содѣйствіи древней письменности можно влить новую жизнь въ эту отрасль нашей родной археологіи и родного нашего искусства, — отрасль, составляющую донинѣ живое сокровище русскаго народа и могущую послужить намъ «на благое просвѣщеніе».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Перечень древнерусскихъ Крюковыхъ Рукописей XI—XIV вѣковъ по указателю Н. В. Волкова (Памятники Древн. Письм. № СХХІІІ).

- №№ 241—250. Минеи служебныя конца XII или нач. XIII в. за Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь, Январь, Февраль, Апрель, Май, Июнь и Августъ, Моск. Синод. Б-ки, №№ 159—168.
- № 266. Минея служебная, Сентябрь и Октябрь, 253 л., XIII в., Спб. Дух. Академіи, Соф. отд., № 188.
- № 317. Минея праздничная, 160 л., начала XIII в. (по каталогу XI—XII в.), Имп. Публ. библ. (Q, п. I, № 12).

Стихирари:

- № 327. Стихирарь праздничный, 79 л., начала XII в., Моск. Тип. библ., № 303.
- № 328. Стихираря праздничнаго отрывокъ, 2 л., нач. XII в., Имп. Акад. Наукъ, изъ финляндск. отрывковъ, № 13.
- № 329. Стихирарь праздничный, 190 л., 1157 г., Моск. Синод. библ. № 589.
- № 331. Стихирарь празд., 166 л., XII в., Моск. Типогр. библ., № 330.
- № 332. Стихирарь празд., 168 л., XII в., Моск. Синод. библ., № 279.
- № 333. Стихирарь празд., 216 л., XII в., Моск. Синод. библ., № 572.
- № 334. Стихирарь празд., 188 л., XII в., Имп. Публ. библ. (отд. F, Q, п., № 15), собранія гр. Толстого (отд. II, № 1).
- № 336. Стихираря отрывокъ, 1, XII в., Имп. Публ. библ., изъ собранія еп. Порфирія (отд. F, Q, п., № 39).
- № 338. Стихирарь празд., 203 л., XIII в., Имп., Академіи Наукъ, № 16.
- № 341. Стихирарь празд., 220 л., XIV в., Моск. Дух. Академіи (изъ бібліотеки Іосифова монастыря, № 3).

№ 342. Стихирарь празд., 224 л., Моск. Публ. и Рум. музеевъ, отд. Румянц., № ССССХХ.

Ирмологи:

№ 344. Ирмологъ, 34 л., XII в., Моск. Типогр. библ., № 307.

№ 345. Ирмологъ, 40 л., XII в., Моск. Типогр. библ., № 308.

№ 347. Ирмологъ, 163 л., около 1249 года, принадлежалъ купцу Т. Самсонову.

№ 349. Ирмологъ, 196 л., XII в., Воскресенскаго Ново-Іерус. монастыря (по описанію арх. Амфилохія, стр. 42—44).

Кондакари:

№ 354. Кондакаръ, такъ называемый „Нижегородскій“, 130 л., XII в., Имп. Публ. библ. (отд. F, Q. п., № 32).

№ 355. Кондакаръ, 115 л., XII в., Троице-Сергіевой лавры, № 23

№ 356. Кондакаръ, 1207 года, Моск. Синод. библ. (прежде хран. въ Моск. Успенск. соборъ, № 9).

№ 357. Кондакаръ, 112 л., XIII в. (по Срезневскому—конца XII в.) Моск. Синод. библ., № 777.

№ 361. Тріодъ постная, 315 л., XII в., Моск. Синод. библ., № 319.

№ 364. Тріодъ постная и цвѣтная, 207 л., конца XII в., Моск. Тип. библ., № 306.

№ 414. Каноны и сѣдальны изъ миней и тріодей, 151 л., XIII в., С.-Петербург. Дух. Академіи, Соф. отд. № 185.

№ 480. Уставъ церковный съ кондакаремъ нотнымъ, 126 л., XII в. Моск. Типогр. библ., № 285.